

Валентин Анатольевич Богданов

Найтаки творцы гостеприимства

Светлой памяти
Найтаки
Марии Петровны
и Богданова
Анатолия Андреевича

Москва-Кисловодск 2026

Благодарю сайты «Российский Кавказ», «Греческий культурный центр в Москве», «Изба-читальня» и «Журнал Самиздат» за превосходную публикацию богато иллюстрированных текстов и гипертекстов, что позволило успешно подключить метод конвергенции информации к процессу исторического исследования личностей и тайн Найтаки удивительных содержателей гостиниц на Кавказе в XIX веке.

Предисловие

Давно известно, что народы, оберегающие прошлое, имеют будущее. Свои земли они наполняют материальными памятниками, а души людей – духовными традициями.

Знаменитый город Кисловодск сохраняет памятники. В его центре стоит прекрасная Колоннада, возведенная по поводу 100-летия победы в войне 1812 года. Позади неё на уступе Крестовой горы возвышается белый памятник, повторяющий вид портика царского дома, который в 1823 году солдаты построили для императрицы-матери, пожелавшей лечиться нарзаном в разгар Кавказской войны. Она не приехала, и Дворянское собрание превратило гостевой дом в первую гостиницу с ресторацией на Кавказских водах.

В гостинице побывало множество знаменитостей. Вот некоторые наиболее известные: А.С. Пушкин, возвращаясь из Арзрума, жил и усердно лечился нарзаном, М.Ю. Лермонтов во время ссылки завершил лечение ревматизмов, Л.Н. Толстой заезжал, когда долечивал простуду, князь М.С. Воронцов проводил в этом доме часть летнего сезона, как и многие другие.

В первые годы на Водах не было ничего особенного, кроме романтической обстановки и прекрасного лечения минеральными водами. Но 10 мая 1835-года казенные

гостиницы с ресторациями для благородных лиц в Кисловодске и Пятигорске, а также частную в Ставрополе взял в аренду грек Петр Афанасьевич Найтаки. Ему помогали сыновья Егор и Алексей.

В этих местах располагалась госпитальная база армии. Гостиницы помогали госпиталям. Под влиянием сердечного сочувствия к раненным воинам купцы Найтаки привыкли проявлять к своим постояльцам чрезвычайную заботливость.

Устройство гостиниц и уровень обслуживания были образцовыми. Деятельность Найтаки основывалась на многовековой традиции гостеприимства – нематериальном и чудесном памятнике, составляющим гордость народа. На Кавказе, как на Руси и в Греции говорят: «Гость – посланец божий».

Гостеприимство Найтаки было неизменным. Произносили по-старинному «Милости просим!» и приветствовали любого гостя с исключительным радушием. Формулы гостеприимства превращались в правила радушных содержателей. Гость был первый человек в доме, и гостиница – лучший из домов. Люди много лет называли гостиницы на Водах найтаковскими. Несмотря на славу, личная жизнь содержателей оставалась чрезвычайно закрытой -- они соблюдали требования профессии. В них чувствовалась некая глубинная тайна.

На первый взгляд кажется, что её невозможно раскрыть. Между тем это не так, ведь человек оставляет следы своей деятельности на всем, с чем он имеет дело. В наше время проблему можно попытаться решить с помощью метода конвергенции информации, при котором достигается синергетический эффект. Проверено в маркетинге, медиа и образовании, что благодаря этому эффекту скрытое кажется явным, непонятное очевидным, сложное простым и так далее. В литературе метод конвергенции ранее не применялся из-за трудоёмкости и потребности в большом количестве разнообразной информации. Мне благоприятствовало ценнейшее обстоятельство – в интернете имелись в избытке указания на современную и старинную информацию о КМВ.

Счастливое рождение первой внучки Наташи в 2007 году меня стимулировало. Семья сестры Люси спонсировала издание иллюстрированных рукописей малыми тиражами.

Каждая книга содержала новые открытия по сравнению с предыдущей. Иногда открытия, особенно сильно изменявшие смысл, заставляли искать другое название произведения. Сайты, указанные выше, размещали новые версии романа. Как бы в ответ в сети находились новые факты или направления поиска. Постепенно из всех проб сложился текст произведения по типу синергетических романов. Пришло время подключить метод конвергенции информации.

Это была предпоследняя и, если не ошибаюсь, девятая рукопись. В конвергентной редакции контекстно соединилась вся собранная ранее вербальная, визуальная и акустическая информация. События и поступки расположились в соответствии с точной хронологией. Последовательность глав почти не нарушалась авторскими отступлениями, а лакуны заполнялись логически обоснованными событиями и участниками. Так возник роман из полусотни ярких эпизодов.

В эту полусотню вошло почти столько же звуковых ссылок и больше сотни рисунков, причем десять из них был альбомного формата. Впечатление от текста, обогащенного иллюстрациями, оказалось очень сильным и продуктивным. Возникший синергетический эффект раскрыл несколько значительных тайн истории. К моему удивлению, среди них оказалась тайна самих Найтаки. Под её влиянием *содержатели гостиниц были готовы проявлять к своим постояльцам милосердие, наивысший вид благородных отношений между людьми, причем гостеприимные всегда Найтаки оставались добросердечными и милосердными независимо от происшествий, которыми сопровождалась их деятельность*. Опытные Найтаки, будучи купцами, почти не скрывали свою ненавязчивую отзывчивость, и благодаря этому превратились в удивительно привлекательных профессионалов. Прославились настолько, что после окончания Кавказской войны правительствующий Сенат назвал их пятигорскими Найтаки, а император пожаловал потомственное почетное гражданство.

Редчайший случай в профессии! Но было и другое полезное свойство этой семьи – своевременная взаимопомощь.

Пятигорские Найтаки четыре поколения занимались гостиницами. Резко различались три периода их жизни. Но что бы ни было, трое греков управляли тремя гостиницами в трех городах. В этих семейных совсем не бандитских триадах с востока заключалась главная тайна их успехов.

Благодаря взаимопомощи в нечаянно образовавшихся триадах Найтаки успешно освоили за два года новую профессию. Затем 60 лет до начала следующего века благоденствовали, поддерживая и всячески оберегая установившиеся взаимоотношения, когда случались неприятности. Правда, семейную триаду однажды спасло божественное чудо. В третьем периоде семья распалась. После революции произошла трагедия -- взрослые погибли или эмигрировали. В России осталась сирота Мария. Её жизнь прошла в Москве и закончилась вместе с СССР.

Я, её сын, видел вблизи, какими настойчивыми созидателями были греки Найтаки, и под этим необыкновенно сильным впечатлением довел до конца труд над романом. Готовя его к финальной публикации, учел результаты конвергенции и выразил словесно все, что было открыто всепроникающим конвергентным методом. Сделал особенно выразительными места, на которые обратил внимание синергетический эффект. Он показал сильнейшее действие -- внимание читателя направлялось на искомое.

В отличие от двух предыдущих редакций перед вами особенное произведение. С одной стороны, это исторический роман. С другой -- исследование, завершившееся раскрытием тайн Найтаки и выявление психологического портрета этих людей. Для достижения обеих трудных целей произведение было составлено как гипертекст, соединенный с большим количеством визуальных и звуковых иллюстраций. Ранее романы подобного рода использовались не часто. Он вам, несомненно, будет интересен. В этой финальной редакции вам предоставляется возможность почувствовать, как раскрывается природное мягкосердечие – именно то, что пятигорские Найтаки прятали от умнейших современников и

любознательных потомков. Эта прекрасная черта характеров служила опорой благородного милосердия, великолепного гостеприимства и щедрой благотворительности талантливых содержателей старинных кавказских гостиниц Найтаки.

Период первый

СТАНОВЛЕНИЕ *(1835 – 1836 годы)*

Решающие два года определяют достижения и судьбу купцов Найтаки. Не имея достаточного опыта, они быстро научаются прекрасно управлять дорогими гостиницами с ресторациями в условиях военных опасностей. Ведут дела профессионально, не теряя достоинства перед императорами, офицерами и прочими благородными лицами. Гостиницы отличаются удобствами, кухней, развлечениями, и становятся популярными. Этот период жизни завершается удивительным спасением Кисловодска от необычно большого набега черкесов.

Глава 1. Знакомства
Посетители и работники

Шел 1836 год. В кисловодской котловине, со всех сторон окружённой безлесными горами, голосистые петухи разбудили крепость, небольшую слободу и казачью станицу. Небо светлело, как бывает только в горах. Свет и тени перемещались по земным складкам, живя своей удивительной космической жизнью. Из-за горы Кабан на Джинальском хребте появились солнечные лучи и окрасили в ярко-розовый цвет крутые откосы Боргустанского хребта на дальнем берегу речки Подкумок.

Утро было обычным для кавказского лета – ясным и спокойным. В тени горы Святого духа, называемой в наше время Крестовой, стали видны две длинные дощатые галерейки. Между ними разместился широкий сруб колодца, заполненного минеральной водой нарзаном.

Глухие звуки бурления холодного нарзана соединялись с шумом речки Ольховой, текущей рядом по парку. Сквозь водные звуки слышался быстрый шорох хряща[1]. Это повариха Прасковья, легко ступая изящными чувяками с вышитыми ноговицами, бежала в ресторацию. Невольно ощущая красоту волшебного утра, она с душевной радостью торопилась на работу. Как вдруг остановилась в испуге.

Прямо перед ней возникли два вооруженных всадника. Каждый держал в поводу навьюченную лошадь. У ближнего всадника, рослого горца с большими усами, выделялась рыжая борода.

– Крашенная хной – разглядела она. Статное тело облегала рыжая грузинская *чоха*[2] с вышивкой. Папаха в виде конического колпака из рыжей смушки была сдвинута на затылок. С загорелого лица внимательно смотрели карие глаза из-под смоляных бровей.

Задний всадник в серой черкеске и откинутом башлыке был ниже и крепче фигурой. Пряди шерсти, свисающие с белой мохнатой папахи, прикрывали голубые глаза, горбатый нос и короткие усы.

Бородатый всадник заговорил с грузинским акцентом:

– Здравствуй уважаемая! Эта дорога на базар правильная?

Приезжие явно не знали, куда им дальше двигаться. Прасковья сочувственно подумала:

– Новые купцы прибыли. Но не ко времени! В будний день базара нет. На слободской площади собирается домашний базарчик, а привозным товаром торгуют в балаганах.

Она, как множество других людей, ошиблась. В Кисловодск заехали не купцы, а черкесы. Не робкие и наглые абреки, которые бродили по окрестностям города, ища случайной

---

[1] *горный гравий*

[2] *грузинская верхняя одежда*

добычи. Заехали дальние черкесские разведчики.

Старший из них был особенный человек. Я отнес бы его к тем природным затравкам, которые, будучи помещенными в возбужденную среду черкесов на Западном Кавказе, могли бы вызвать бурную кристаллизацию, вроде той, что произвел имам Шамиль на востоке Кавказа. Сообщество горцев стало бы прочнее цельной стены гранита. Из воспоминаний участников кавказской войны можно понять, что царские военачальники видели эту опасность. Их продуманная тактика остановила начинающийся процесс объединения сил сопротивления. Необычный эпизод этой борьбы произошел в Кисловодске.

– Что вы продаёте? – решительно спросила повариха.

– Оружие красивое: шашки и кинжалы. Имеем ножи для хозяйства и для охоты. Они хороши! Увидел тебя, красавица, и вдруг понял, о лучшей встрече не мог мечтать! Ты заходи – найдем отличный товар! – сказал любезный грузин.

– Спасибо за приглашение! – кокетливая Прасковья успокоилась: ничего необычного в торговцах вроде бы не было.

– Уважаемые гости, сегодня торговля плохая. А в Пятигорске вы были? Там самое место вашему товару.

– Нет, но мы собираемся опосля.

– Ну что ж, коли так, поезжайте к балаганам за речкой. Вон там! Ежели никого не найдете, подождите. Вскорости придут продавцы, разложат товар и откроют торговлю.

Бородатый, похоже, умел продавать, и тут же принялся заигрывать с красивой женщиной, будто удивленный грузин:

– Спасибо за совет, любезная красавица. Вижу, тебе всё знакомо. Скажи по правде, милая, для тебя нужна сильная защита? Так я думаю. – Он поднял руку. – Рассчитывай на нас! Вай, такой прелестнице самого лучшего оружия не пожалею! Верь моему сердцу!

Грузинское обаяние начало действовать.

– Упаси, боже, от вашей защиты! От неё никакое оружие не спасёт! – кокетливо засмеялась Прасковья. Затем, окончательно успокоившись, вежливо сказала:

– Торговля у нас хуже, чем в Пятигорске, но наши курсовые[1]

---

[1] *от немецкого Kur – курс лечения, курортное лечение*

платят лучше. Останетесь до воскресенья – расторгуетесь с прибытком. На базар приедут горцы. Они оружию всегда рады. Думаю, что в обмен предложат овец. У наших баранина превосходная! Можете потом перепродать в Пятигорске.

– С выгодой! Так говорят, – прибавила она.

Купца, похоже, не интересовала обменная торговля. Он принялся по-восточному вычурно и многословно объяснять, что весьма благодарен и ждёт, что она украсит собой торговлю.

Прасковья ещё раз поблагодарила прилипчивого грузина, попрощалась и поднялась по тропинке к ресторации. Под деревьями, окружающими ресторацию, она замедлила шаги, задумалась и неожиданно для себя остановилась.

Еще вчера она составила список покупок, которые привезут из Пятигорска. Рассчитала, что запас не помешает. К несчастью, случилась внезапная неприятность – повозка поломалась! Хозяин Афанасьевич и кучер Тохтар допоздна починяли её. Слышала – починили.

Она вспомнила, как Петр Афанасьевич наставительно предупреждал, что дела надо исполнять вовремя. И прибавлял, что только тогда будешь «иметь златые горы и реки, полные вина». И всем другим будешь владеть. Мотив народной песни послышался ей. Верно поют! В этой песне много правды.

-- Надо сейчас же показать список покупок приказчику! – и грузины мгновенно улетучились из ее головы.

Всадники смотрели Прасковье вслед. Бородатый торговец, довольный собой, сказал своему молчаливому спутнику:

–Ишь ты, остановилась! Чую, эта женщина болтливая лишь с виду, но хитрая, как лиса. Первую проверку мы прошли успешно! Однако расслабляться нельзя, – покачал головой.

-- Поторгуем, переночуем и отправимся дальше. Трогай, Аслан, вперед к броду! Переправимся и станем ждать торговцев за речкой на торжище. Они придут скоро. Вьюки снимать пока не будем.

***

Привычная тропинка привела Прасковью на широкий двор ресторации. Здесь ей было знакомо все до последней мелочи. Впереди на другой стороне двора поднимался склон горы, в который были врыты ледник и каменная кухня, крытые

камышом. Справа в углу двора стоял небольшой сарай с конюшней и виднелись деревья парка. К ним спускалась некрутая дорожка. Слева в невысокой каменной ограде были открыты ворота в короткий проулок. За проулком густые деревья скрывали барский дом и другие постройки в усадьбе помещика Алексея Реброва.

Двор ресторации только что закончил мести старый солдат Нефёдыч, сторож и дворник в одной персоне. По императорскому указу солдат находился в бессрочном отпуске после более чем двадцатилетней службы. На родине старика никто не ждал, и он остался у приказчика Митрича, позволившему сослуживцу жить в саманном домике в углу двора.

Прасковья велела передать приказчику, что куропаток не хватит и кофий заканчивается. Старый ветеран поклонился, галантно размахивая драной шляпой. Закончив поклоны, снял и аккуратно убрал дворницкое снаряжение, фартук и нарукавники, щёлкнул пальцами и отправился домой. Впереди бежала, оборачиваясь и виляя хвостом, собачонка. Повариха знала, что стариковские чудачества не помешают добряку всё исполнить.

Тихо отворив дверь, вошла в кухню. Перекрестилась на икону Лаврентия Римского, едва различимую в свете лампады. От ночника на столе зажгла свечи в шандале. Быстро сменила обувку на рабочую. Надела передник и повязала косынку.

На русской печи сладко спали её помощники девушка и мальчик, осиротевшие дети покойной кумы с Подолья. Она позвала девушку тихонько – девичий сон чуток:

– Аннушка, вставай, милая!

Мальчика будить не стала.

Помощница прошептала молитву, умылась, оделась, переплела косу, покрылась платком и повязала передник.

Прасковья проверила, открыта ли задвижка дымохода, сняла заслонку, открыла дверцы и выложила в горниле печи сухую щепу и дрова.

Лучиной взяла огонь от шандала, и, не дожидаясь помощницы, сама разожгла печь и очаг, а то вчера неопытная Анна сплоховала, и они остались без огня. Святой огонь из

лампады брать нельзя. Другого огня в доме не было. Долго высекали искру из кремня и раздували трут. Заграничные спички не покупаем, – дороги!

Готово! Огонь весело пляшет, дрова потрескивают, дымоход гудит. Помощница сбегала и принесла из ледника молоко. Сняла слой сливок и поставила молоко согреться.

Пока на очаге грелась вода, повариха замесила дрожжевое тесто и выставила к печке – скорее поднимется. Вымыла руки, вытерла и занялась стряпнёй.

Помощница ласково разбудила мальчика, разоспавшегося на тёплой печке. Повариха велела ему идти за дровами и напомнила, чтобы не шумел на дворе Мальчик, позёвывая, с молитвой ушел во двор, принёс дрова и бросил у печки. Прасковья строго учила своего поваренка и приказала сложить дрова аккуратно в подпечек, чтобы они сушились. Рабочий день начался.

Уже подавала признаки жизни слобода. Возле домов двигались люди, конные повозки и всадники. Хозяйки топили печи и готовили еду для семей. Торопились, чтобы не задерживать мужчин. Отпустили подоенную скотину к стаду, которое гнали пастухи на выпас.

В отличие от слободы в части города, где лечились, было заметно тише. В пять часов из дома гауптвахты пришел особый сторож и ударил в колокол, висящий на столбе перед крыльцом ресторации.

К звону колокола присоединилась далёкая барабанная дробь побудки в крепости. Первые курсовые поспешили к нарзанному питью и ваннам, чтобы начать лечение.

Пришли приказчик Илья Дмитриевич и горничная Ксения. Поздоровались с Алексеем Петровичем, – он заглянул на кухню после того как выпустил первых курсовых из гостиницы. Горничная Ксения присела в сторонке, чтобы не мешать, и по привычке стала сказывать очередную байку. Откуда дочка овдовевшей сестры станичного атамана брала эти байки, никто не ведал.

Многие сомневались, что они -- импровизации ума, как объяснял Алексей Петрович, ведь она творила не стихи, как древний поэт Гомер, с которым её сравнивал хозяин. Наоборот,

помощница поварихи Анна утверждала, что все это сказки. Из-за бессонницы Ксения сочиняет их ночью, как Шахерезада, о которой говорил Пётр Афанасьевич. В очередной раз Анна поинтересовалась, как поживает Шахрияр. Все догадывались о причине, из-за которой ревнивая Анна задирала Ксению. Дело было в рекруте Саше из крепости.

Горничная не ответила, но продолжила:

– Знайте, то не притча и не сказка, а смешная история!

Она вчера случилась. После смены отпускают казаков на бекете, что на горке. Спрашивает урядник: «Любо? Ну что, волжцы, по коням?»

Один ворчит: «Всё «по коням» да «по коням»! А я «по бабам»!» Мчит до дому, слётает с коня и кричит как оглашенный: «Жинка, жинка, отчиняй ворота!»

По секрету скажу, что казаки, сменившись, опрокинули с устатку по стопке полугарного[1], чтобы промыть глаза, уставшие от наблюдения, как нам гуторят. А ему паразиту, похоже, было мало, и он добавил по дороге.

Стучит в ворота. Никого! Вы знаете, у них рядом стоят почти одинаковые курени. Он влетает с нагайкой в курень. А на постели, глазам не верит, лежит сосед и рядом жена в балахоне. Он в нагайку. Те вскакивают.

Глядь, а баба-то – чужая! Жена у него, напротив, хорошая женщина, не хабалка[2]! Казак -- в столбняк, и рот открыл. Доселе с тем соседом рты не закрывают – пьют и гуторят, весело гуляют.

Рассвело, а они пляшут лезгинку, крутят нагайками и чечекают. После спивают: «На горе стоял Шамиль. Он богу молился. За свободу, за народ низко поклонился». Обнимаются и голосят: «Ойся да ойся, ты меня не бойся. Я тебя не трону, ты не беспокойся!». Дать бы им тулумбасы, так они бы всю станицу поставили на уши!

Все рассмеялись. Смеющийся у двери приказчик Митрич погладил усы и сказал рассудительно:

– Знаем, кто он! Ему не впервой колобродить. Зенки залил и

---

[1] *после выгорания спирта оставалась половина исходного раствора; таким был государственный стандарт доброты хлебного вина*

[2] *Бесстыжая грубая женщина (жарг.)*

залез в чужую хату. Вот архаровец!

Все согласились с Митричем, хотя, честно говоря, сочувствовали буйной казацкой головушке.

Анна усмехнулась и спросила:

– Чем история закончилась?

– Чем, чем? – ответила Ксения. – Сама знаешь, слухи у нас разлетаются быстро. Прибежала злая Галина, его жена, — она ночевала у матери -- и устроила благоверному жуткий разнос. Отправила к свёкру в горы.

Ксения вздохнула и сказала:

-- Знает, куда голодного мужа отправляет! Их старый батя казак суровый пасёт под Джиналом овец. Первым делом спрашивает сына:

-- Малой, кандер будешь? Посадит исть сыночка забулдыгу, а сам идёт резать хворостины с таволги.

Ксения, расстроенная неурядицами бедового казака, пояснила:

– Не доводить же загул до того, чтобы сын срамно получал воспитание на казачьем сборе, и просил прощение перед всей станицей. Никто не пощадит. Но хватит об этом! Я все сказала.

Митрич солидно заметил:

– Слава богу, всё обошлось по-родственному, а не хуже!

Занятые своими делами слушатели ничего не сказали.

Алексей Петрович и Ксения ушли. Приказчик и повариха расслабились и принялись судачить о меню, составленном сыном хозяина на сегодня. Митрич сказал сочувственно, что для блюда консоме с фрикаделями надобно долго рубить мясо да лепить болюсы. И кому это делать? Быстрее сварить ушицу!

Повариха решительно пояснила:

– Хозяин расстроился из-за того, что не привезли белужью икру и визигу от Сапожниковых из Астрахани. От расстройства опять забыл купить в Ставрополе мясную мельницу.

Она в сердцах оборвала себя: – Когда ещё вспомнит?

Митрич сделал вид, что не понял. Принялся сноровисто вострить нож на точильном камне и негромко проговорил:

– Афанасич – хозяин строгий, но, кажется, более справедливый, чем прежний арендатор Минай Подкуйченко из Георгиевска.

Тихо, как бы по секрету, прибавил:

– Афанасич, когда начинал, не прогнал никого! И даже, уважаемая Прасковья Семёновна, не расстается с теми, кем не доволен. Верит, что они исправятся.

Повариха подумала: «Кого он имеет в виду? Не меня ли из-за мельницы?» Однако разговор поддержала:

– Последний арендатор был совсем ни то, что первый смешной француз Бартоломей. Помнишь его?

– А какой он строгий! – сказал Митрич, выводя точилом режущую кромку ножа:

– Даже с постояльцев требует плату за испорченную мебель, испачканные стены или рваное постельное. Зато, какой теперь порядок и чистота! Не потому, что мы ждём императора и без конца убираем, чистим и красим. Просто у Афанасича натура такая. Одно слово, чистюля! Я помню прежних арендаторов. Они были не такими!

Повариха подумала: «Митрич увлёкся! Хвалит через край. Видать, натворил дел, и Пётр будет ругать его».

– Верно говоришь! – признала повариха и принялась раскатывать тесто.

– Предстоят напряженные дни, – напомнил приказчик. – Государя ждем, и скоро праздновать день рождения государыни. С выездом мы задержались -- чинили поломавшуюся повозку. Хозяин сам едет за продуктами и вином.

Приказчик пошутил напряженно:

-- Без хозяина мы, само собой, тоже очень постараемся.

Прасковья, не прекращая работы, отозвалась:

– Говорят, что государь ужас какой строгий! Он всё знает, ездит всюду. Смотрит, как люди живут. Вдруг он к нам заедет?

– Точно, – согласился Илья Дмитриевич.

– Ладно, когда-то ещё праздник будет, – перебила повариха, – ты не забудь проверить список покупок.

Митрич взялся за гусиное перо и поправил покупки в списке на те, что подешевле, как требовал хозяин. Пока шел разговор, каждый исполнял своё дело. Помощница трудилась изо всех сил. Поварёнок помолол кофей, убрал за собой и был готов подносить всё, что попросят. Мух гонять стало некогда!

Повариха принялась командовать подавальщиками,

пришедшими из зала. По её требованиям они снуют по двору, несут воду, обрабатывают овощи, колют дрова. В отведенном месте бьют живность, рубят туши, ощипывают птицу и чистят рыбу. Привычно превратились в подсобных рабочих.

Повариха, как обычно, доверила им измельчить мясо для французских фрикаделек. Пошутила, что наши бьют и рубят по-суворовски так, что всем чертям наполеонам несдобровать!

Когда на кухне все печётся, жарится, кипит и томится, охлаждается и насыщается, слуги отдыхают на лавочке в тени и беседуют, – немного расслабляются.

Стороннему человеку, возможно, покажется, что на кухне суматоха и нет порядка. Но это не так -- еда подается вовремя.

Удачное начало

Особого рассказа заслуживают события, вследствие которых грек Петр Афанасьевич Найтаки и два его сына превратились в превосходных содержателей гостиниц и ресторацій.

Два года назад будущий глава гостиничного дела занимался в Ставрополе торговлей, ходил с обозами, которые снабжали армию оружием, сукном и амуницией, продовольствием, спиртом и всем, что требовалось. Год назад он поставлял камень для строительства казарм в Усть-Лабинской крепости. Дело устроил хитро. Покупал соль, добытую из солевого озера недалеко от хутора Медвеженский. Ему эта соль обходилась дешевле, чем та, что привозили чумаки.

Горцам, содержавшим много живности, соль была жизненно необходима. Петр предлагал им дешевую соль в оплату за лом камня в горах и доставку в крепость. За камень получал хорошие деньги от казны. Срочность была большая. На эти деньги Петр снова покупал дешевую соль. За время строительства он заметно увеличил свой капитал.

Слухами земля полнится. Оборотистость предприимчивого Найтаки всех поразила. Об этом узнал богатейший купец 1-й гильдии Иван Григорьевич Ганиловский, который преуспел в поставках крупного рогатого скота, а также обмундирования для армии. Полученные доходы Иван Григорьевич вкладывал в крупное строительство в Ставрополе.

В начале 1835 года он закончил постройку большого дома на центральной улице в стиле гостиниц при императоре Павле.

Первый этаж отвел под почтовую станцию. Петру Найтаки предложил в аренду второй этаж. Там он собирался сделать гостиницу для благородных персон. Ему понравилась идея Петра устроить номера и ресторацию на манер столичных, а гостиницу назвать «Москва».

Случилось, что в это время Строительная Комиссия, управляющая Кавказскими Водами, тоже искала арендатора для казенных гостиниц. Последний съемщик оказался неподходящим, поэтому срок аренды ему не продлили. Когда Комиссии стало известно о необычном решении авторитетного купца Ганиловского, её старший член переговорил с Петром Найтаки. Он предложил аренду на Водах сыновьям Петра.

Предложение было заманчивым. Петр понимал, что сыновей ждет надежная работа и, может быть, удачливое будущее. Но для солидности отложил окончательный ответ на конец пасхальной недели, объяснив, что заниматься делами в праздники ему не с руки, и он будет основательно думать.

Услышав о предложении, сделанном отцу, сыновья, не колеблясь ни минуты, заявили, что они берутся руководить гостиницами. Они уже набрались купеческого апломба и готовы были начинать любое, даже незнакомое, дело. Пётр Афанасьевич был уверен в сыновьях, и в конце пасхальной недели подписал договоры о том, что с воскресенья 10 (22 н.с.) мая 1835 года он берет в аренду на три года гостиницы в Ставрополе, Пятигорске и Кисловодске.

В своей беспокойной купеческой жизни Петр Найтаки никогда не терял надежды на успех. И, действительно, на этот раз надежды Петра оправдались полностью. Аренда гостиниц у Комиссии длилась долго, целую четверть века. День «10 мая» Петр запомнил навсегда.

Сам собой решился вопрос, кто какую гостиницу будет содержать. Егор категорически заявил, что останется в Ставрополе. Ни за что не бросит лавку с красным товаром, однако наймет лавочного сидельца, чтобы иметь время для управления гостиницей.

Отец и брат одобрили. Более всего, они даже радовались за Егора, потому что знали, что у него в Ставрополе складывалась прекрасная брачная партия. Он был помолвлен с местной

жительницей Верой Ермаковой, дочерью недавно умершего губернского секретаря купца 3-ей гильдии Егора Андреевича Ермакова. Богатая Вера наследовала отличную городскую усадьбу, расположенную недалеко от гостиницы. Так получилось, что Егор взял на себя ставропольскую гостиницу.

На Красную горку Пётр Афанасьевич и Алексей спокойно чаёвничали в ставропольском доме и беседовали. Егор в это время был в гостях у Веры. Вернулся он уже в сумерки. И тут случился разговор, который имел важнейшие последствия для всех. Егор, улыбаясь, приветствовал с порога:

– Христос воскресе!

– Воистину воскрес! – сказали ему в ответ.

Он положил на стол сверток с угощением и передал привет от Веры. Пока отец разворачивал сверток с пирожками, Егор налил остывший чай в стакан. Жадно выпил и сказал:

– У меня для вас интереснейшая новость. Я ходил с Верой на кладбище помянуть Егора Андреевича. Зашли в церковь, подали поминальную записку и поставили свечу.

Алексей перебил брата:

– Тоже мне новость! Известно, что ты везде ходишь за ней хвостом!

Пётр поспешил вмешаться:

– Алексей, погоди, дай брату сказать.

Егор продолжил:

– Там встретили Неклюдова, помощника городского архитектора. С ним Вера заговорила о проекте и постройке нового дома взамен старого, который, как вы знаете, неприлично обветшал.

Она хотела непременно получить согласие ради праздника. Однако Неклюдов неожиданно отказался принять заказ. Когда увидел, что мы огорчились, откровенно объяснил причину: мол, сейчас все готовятся к приезду высочайшей особы. По всей Ставропольской области ведутся срочные работы. Сам Неклюдов составляет для Пятигорска проект острога на сто страдальцев. Начальство приказало срочно устранить непорядок, – нехорошо, что арестанты сидят в ожидании суда в сыром темном подвале городского училища. Надобно это исправить, но возникли трудности с деньгами.

– Обычное дело, – усмехнулся Алексей. – Не ведают, какую сумму заложить в проект. Да и денег не хватает. Как говорится, желание есть, да девка не позволяет!

– Верно! – подтвердил Егор. – Неклюдов объяснил, что выделили только 3 тысячи 142 рубля 25 копеек и обещали дать столько же на следующий год.

Алексей поспешил спросить:

-- А сколько нужно?

Егор ответил:

-- На самом же деле по расчету требуется тысяч девять-десять.

Довольный Алексей уверенно сказал:

– Я вспомнил, что ради успеха следует начинать дела добрым поступком. Давайте пожертвуем ради Христа недостающие деньги. Папа, как ты на это смотришь? – обратился к отцу.

Отец после паузы поддержал:

– Ишь, что задумал! Превосходная идея! Мы можем расщедриться. Только дарить будем не в области, а прямо в Пятигорске. Этот город занимается лечением раненных воинов. Медики особенно внимательны к гостиницам и ресторациям. Острог для них тоже важнейшее санитарное заведение.

И быстро добавил:

– В этом остроге заключен особенный долг местного начальства перед наместником, – он улыбнулся своему внезапному каламбуру.

– Они будут рады его исполнить. По милости дадим денег не меньше, чем дает наместник. Будет выглядеть заметно. Ежели сделаем, что задумали, то в городе к нам отнесутся, как к полезным людям. Забудут благосклонно, что мы чужаки!

Братья согласно молчали. Для них всё было ясно. Отец решил по-другому, потому что мудр и основательно заботится о будущем для всей семьи.

Сказано – сделано. Отец и Алексей переехали в Пятигорск и сразу пожертвовали Строительной комиссии 3200 рублей, столько, сколько выделила область. Стройка началась без промедления. Горожане шутили, что новоявленные жители пересажают в острог полгорода. Неспроста, мол, они кормят в долг в своих ресторациях.

На чужой роток не накинешь платок! Но городской священник отец Павел думал по-другому. Он пожертвование благословил. Арестанты вместо сырого тёмного подвала городского училища получили законные теплые и сухие камеры. Стали печь хлеб для всего города.

Что сказать о подобном пожертвовании? Видно, что Найтаки знали о чувстве милосердия, но само это чувство отсутствовало в данный момент в холодном расчете. Истинное милосердие проявится позднее, и тогда это конвергентное открытие займет подходящее для него место.

Щедрая и своевременная помощь была оценена высоко. Окружной начальник полковник Симборский представил Алексея к награждению золотой медалью «За полезное» на ленте ордена Святой Анны. Подтверждение благонадежности дал тесть Алексея, живший в Таганроге.

Редкую шейную золотую медаль вручили спустя пять лет. За это время Алексей успел построить дом на участке, купленном в конце Бульвара под самой горой Машук. Но его опередил Егор в Ставрополе – он уже второй год жил в семейном доме, построенном на деньги жены.

Так сложилось, что заботливые сыновья Егор и Алексей взяли на себя большие круглогодичные гостиницы и построили для себя дома, а 58-летнего отца пожалели и оставили ему в управление небольшую летнюю гостиницу в Кисловодске.

Эта гостиница с самого начала была местной достопримечательностью. Располагалась в царском гостевом доме, срочно возведенном солдатами весной 1823 года для уважаемой императрицы-матери Марии Федоровны. Престарелая вдова Павла I и мать двух императоров Александра I и Николая I изъявила желание отдохнуть и полечиться водами.

Герой войны 1812 года Алексей Петрович Ермолов командир отдельного Кавказского корпуса и управляющий по гражданской части на Кавказе мгновенно выделил целых 30 тысяч рублей и приказал строить.

Из Санкт-Петербурга прислали архитектора и каменных дел мастера. Это были братья Джузеппе Марко и Джованни Батиста Бернардацци, уроженцы швейцарского курорта Лугано.

На Кавказе братьев ждала слава. Из множества построек,

которые они создали за долгие годы, первой стал царский дом у источника нарзана в Кисловодске. Солдаты, обученные Бернардацци, возвели на уступе горы Святого духа – по-современному Крестовой – классический летний дом. За основу приняли проект Шарлеманя, помощника знаменитого Монферрана.

Солдатам платили вчетверо больше обычного. Они очень старались и управились за три месяца. Стены сложили из сосновых плах на каменном фундаменте. Крышу покрыли досками и лубьём. Осенью начали сажать парк. Однако всеобщее ожидание и спешка не оправдались, императрица не приехала. Тогда в доме открыли дом благородного собрания и гостиницу, так как жилья на водах не хватало.

Это была первая гостиница на КМВ. Не очередной трактир или постоялый двор, а реальная настоящая гостиница, очень красивая, да ещё с ресторацией.

В конце 1824 года в журнале «Отечественные записки» писали, что дом «в пустыне среди гор Кабарды» имел прекрасный вид. «Бронзовые люстры и лампы аргантские[1] удивляли новостью явления». Стены светлого зала, объединяющего крылья дома, покрывали «златовидные шпалеры». Их украшали жирандоли и зеркала. «Мебель из красного дерева была обита бомбой, соцветной обоям». Как свидетельствовали архивные документы, мебель изготовил из осиновых досок умелый немец Леонард Кам из колонии Каррас под Пятигорском.

В роскошном здании сдавались четыре номера: два для дам и два для кавалеров. Имелись также буфетная и комната для содержателя. Зал пригодился дворянскому собранию. В нем устраивались балы и концерты один или два раза в неделю. В порядке вещей были карточные игры и другие развлечения. Ресторация *prix fixe* работала в завтрак, обед и ужин по расписанию. Кухня с русской печью и другие службы находились во дворе.

Позднее были выделены 7 тысяч рублей, и через два года

---

[1] *яркая лампа швейцарского изобретателя Ф.П.А. Арганда с улучшенным горением масла.*

закончили отделку дома снаружи. Стены проконопатили и обшили досками. Крышу покрыли листовым железом. Для красоты приставили спереди портик с двойными дорическими колоннами и простым треугольным фронтоном. Перед входом устроили балкон с балюстрадой, откуда открывалась панорама окрестностей. Всё выкрасили в законные цвета.

Когда Пётр стал содержателем, то первым делом приобрел упряжку с крепкой повозкой и нанял опытного кучера для наилучшей доставки вина и продуктов из Пятигорска. В дальнем углу двора поставил летнюю конюшню.

Купил новые ружья и пистолеты. Посчитал, что армейской и казачьей защиты недостаточно, – стоило самим вооружиться. Слишком много водилось в этих краях разбойников! В те времена тут в каждом доме было оружие. Что бы ни происходило, а Кислые воды оставались укреплением в центре Азово-Моздокской кордонной линии.

Ресторатор Пётр

По свидетельствам многих людей Петр Афанасьевич Найтаки был услужлив и любезен. По образному выражению одного свидетеля, он был «вечным», то есть необходимым, вездесущим и очень заметным. Как он выглядел, меня особенно интересовало. Признаюсь, что много лет назад в своем воображении я встречался с ним. Всё-таки он был моим прапрадедом.

Помню, как в солнечный день 1983 года на Лермонтовской площадке в кисловодском парке мне привиделся его призрачный силуэт. Почудилось, что он смотрит на меня и на мою маленькую дочь, которая играла на выступающем из земли большом камне. И было с чем. Там была прикреплена статуэтка бронзовой ящерицы, и детишки наперебой полировали её своими ладошками до состояния сияющего золота.

С годами я забыл некоторые важные подробности этого видения. Не могу вспомнить, например, где были руки предка. Сейчас я думаю, что его тянуло гипнотически, как и нас, прикоснуться к сверкающей ящерице, символу возрождения. Неподвижный взгляд пращура был такой пристальный, будто он интересовался нашими реакциями.

Тогда я не уделил особенное внимание этому мимолетному

видению. Мало ли что может показаться в жаркий полдень на фоне солнечных бликов и отцовских забот о ребенке!

Прошли годы. Дочь выросла, и я, уже старик, взялся за основательное исследование, чтобы узнать, кем были предки. Конечно, первым делом хотелось узнать, как выглядел родоначальник Петр Афанасьевич.

Поиски показали, что очевидцы сообщили ничтожно мало сведений о его внешности. Ведь в старину, как, впрочем, и теперь, господа плохо помнили услужающих людей. Естественно, они путали содержателей гостиниц, и называли всех просто Петром или реже Найтаки. Например, не обращали внимание на то, что этот Петр был отменно одет. Изредка замечали, что он был смугл, невысок и украшен необыкновенно большими бакенбардами.

Наука генетика также не дает надежных правил, позволяющих описать облик далекого предка. Известно, что между собой особенно похожи родственники в семейном триплете. Это свойство мне помогло потому, что сохранились домашняя и студийная фотографии родного деда Петра Алексеевича внука Петра Афанасьевича. Их бережно пронесла через невзгоды жизни моя мама Мария Петровна Наитаки.

Я сравнил фотографии деда и моей мамы Марии со скупыми свидетельствами очевидцев. Составился предположительный портрет Петра Афанасьевича.

Голова у него правильной формы. С округлого смуглого лица оживленно смотрят слегка увеличенные глаза с зеленой радужкой. Чёрные брови, открытый лоб, прямой нос и уши имеют мягкие очертания и немного крупные. Черные волосы на голове приглажены. Усы, борода и пышные бакенбарды причёсаны. Бакенбарды тронуты сединой. В уголках рта кроется улыбка, говорящая о живом характере.

Своими пышными бакенбардам предок удивлял всех. Такие же бакенбарды носили сыновья Егор и Алексей. Может быть потому, что подражали отцу. Схожие бакенбарды способствовали не только известности, но также уникальному единству. Трое были как один! Впечатление такое, что эта троица купцов намеренно сотворила бренд, неведомым образом похожий на символы, которые современные фирмы заводят

ради рекламы. На много лет за арендованными гостиницами закрепилось название «найтаковские».

Узнав, как выглядел Пётр Афанасьевич, вернемся в кисловодскую ресторацию. Увидим, что он вошел на кухню с набором ножей в деревянной подставке и сказал:

– Бог в помощь! Уважаемая Прасковья Семеновна, получи набор кухонных ножей. Это тебе подарок к празднику, как принято. Ножи немецкие. Из лучшей стали золинген и наточенные. Попробуй начать с ними новый день!

– Спасибо, Пётр Афанасьевич! Вижу, отличные ножи! Ручки какие красивые! Обязательно попробую, – ответила Прасковья.

Про себя подумала:

– Наверное, купил у тех самых грузинских торговцев, которые встретились поутру. Ножи, без сомнения, красивые! Но ещё неизвестно, придутся ли по руке.

Она взяла нож в руку и подвигала им, помахивая рукой.

Мысленно решила:

-- Прежние ножи привычнее и удобнее. Но про мясную мельницу, все равно, напомню!

Пётр Афанасьевич видит, что дело движется налаженным чередом, и, довольный, покидает кухню. Судя по рабочему настрою, в царство поварихи не стоит вмешиваться.

На дворе он спросил у кучера о починке повозки. Соглашаясь со сказанным, покивал головой. Остановил подавальщика, сказал ему про замеченный непорядок и, показывая на блокнот, сделал внушение. Он поступал так крайне редко, помня, что полезнее напоминать о заслуженных поощрениях.

Петр спешит к задней двери гостиницы. Растворённую дверь закрепляет так, чтобы она не зацепила подносы, приносимые с кухни. Достает платок и проверяет чистоту дверной ручки. Оглядывает коврик у порога. С достоинством проходит между столами, иногда останавливается, разговаривает с гостями о еде и лечении.

Пётр усвоил твердо, что в Доме благородного собрания надобно относится к работе и посетителям особенным образом -- никогда не показывать своего приниженного положения или, не дай бог, превосходства. Всегда быть

услужливым так, будто его чрезвычайно беспокоят заботы каждого. Стараться следовать правилу: обещал сделать -- не отступай и непременно исполняй обещанное, не теряя ни минуты! Услужливость Петра, соединенную с должной любезностью, заметили в Строительной комиссии ещё в прошлом году.

Всех устроило, что Найтаки уделял много внимания приятным развлечениям посетителей, что было совсем непросто устроить в условиях войны. Отовсюду слышались благоприятные отзывы. Приехавшие на курс охотно пользовались его услугами, хотя все чувствовали, что он не забывает своих купеческих интересов. О нём говорили «ловок на все руки» и верили в его возможности, ведь он не хвастал, а делал. Главное -- в обществе его считали умным и простым в общении человеком.

Проводив откушавшего посетителя, он, приятно улыбается и встречает другого. Ещё утром повариха Прасковья сказала, что приехавший вчера важный господин в летах со слугой французом снял в слободке домик у соседки ейной кумы Горепёчки. Не забыла сообщить, что Митрич с Алексеем Петровичем пошли на базар потому, что куропаток может не хватить и кофий заканчивается.

Осведомленный обо всём, ресторатор приветствует гостя полным именем. Отставной полковник Иван Петрович удивлён и отвечает:

– Пётр! И ты здесь? Недавно мы видались в Ставрополе и Пятигорске. Ты опередил меня. Значит, дела идут?

– Слава богу, идут-с помаленьку!

Мудрый Пётр умолчал, что полковник видел не его, но сыновей. Спросил просто, как Иван Петрович доехал, и всё ли в порядке.

Гость упомянул о плохом снятом жилье и в заключение передал поклон от общих знакомых:

– Хасновы обещались быть. Я их видал третьего дни.

Пётр авторитетно добавляет:

– И, ваше высокоблагородие! Они покидают Горячие Воды на другой день. Для них я приготовил две комнаты.

Вдумчиво объясняет гостю:

– В остатней комнате живёт важный господин из Ставрополя. У меня всё занято и освободится только на четвертый день, когда княжеская чета Хасновых переедет по соседству к статскому советнику Алексею Фёдоровичу Реброву. Вблизи за речкой Ольховой тоже живут курсовые. Но, разумеется, для вас найдётся приличное помещение!

Как бы поразмыслив, Пётр уверенно предлагает:

– Говорили, что на другой день освобождается номер у Реброва. У него, знаете ли, имеется бесплатная нарзанная купальня на одного. Коли решите, я спешно пошлю узнать.

Поясняет:

– Ежели номер определённо освобождается, скажу, чтобы его придержали за вами. Вас непременно уважат.

Заканчивает Пётр привычными словами:

– Простите великодушно, могу ли быть ещё чем-нибудь полезен? Надеюсь, вы обратитесь тотчас, как составится нужда. Не угодно ли вашей милости закусить?

Но вместо *«Merci, monsieur!»*, обыкновенного для Благородного собрания, полковник произносит «Благодарю!».

Скупится на благородные слова! А ведь он слышал ещё в Пятигорске, как доходчиво Пётр разъяснял его французскому слуге Жан-Пьеру, где найти прачку и сапожника!

Пётр приглашает гостя:

– Пожалуйте, сударь, пожалуйте-с!».

Улыбается усам полковника и невольно касается своих бакенбард. Вспомнилась греческая пословица «один о бороде печётся, другой – на бороду плюёт». Кажется, её русская сестра – «что имеешь, то не ценишь»! Или «каждому своё»? Какая из пословиц лучше – не важно!

Полковник отвечает на предложение Петра решительно:

– Благодарю! Я завтракал дома.

Пётр привык к барственному отношению гостей, – он с поклоном отступает. Так бывало не всегда. Завсегдатаи рестораций знали, что иногда терпение Найтаки иссякало. Они вставал горой на защиту своей чести, если неуважительно относились к заведению. Вот, что рассказывали о случае в ставропольской гостинице.

Одному майору, скушавшему гречневую кашу с маслом за 3

рубля 50 копеек, показалось, что это дорого и его обсчитали, записав в счёт лишний кружочек масла. В ответ ему сказали, что положили два кружочка, как он заказал.

Он стал скандалить, крикнул хозяина, отказался платить и назвал ресторацию трактиром, а хозяина разбойником.

Хозяин, а это обычно был Егор, оправдывался, масло дорого, запись есть в буфете. И даже просил назначить цену, какую хочет майор, если она кажется ему оскорбительной. Наконец, уступил совсем, сказав с обидой, что вообще не возьмёт денег.

Майор вышел из себя и объявил: «Да это не трактир, а кабак! И ещё самый негодный».

Тут, рассказывают, кротость и смирение Найтаки превратились в бешенство. Глаза засверкали и, обращаясь к буфетчику, он сказал: «Не брать ни копейки с майора по этому счёту! И вперёд ничего не отпускать ни за деньги, ни без денег, а я подам жалобу, что опозорили моё полезное заведение именем низкого кабака![1]

Кашу подавали на ужин, и несдержанности было оправдание, – Егор сильно уставал к концу рабочего дня. С деловой точки зрения выходить из себя не следовало. Но по-человечески понять ресторатора все-таки можно было.

Впрочем, полковнику не были интересны чужие мнения о хозяине заведения. И уж точно, ему никакого дела не было до его намерений.

Чудо природы

Завершив поиск пригодного жилья, довольный полковник Иван Петрович Бежитов любовался кисловодским видом, открывшемся с балкона ресторации.

Его поразило, что здесь солнце сияет ярче, чем в лесистом ущелье между горами Бештау и Железной, откуда он приехал. В Железноводске, много света, но в просторном здешнем селении посреди безлесной местности – явно больше. Он помнил ещё из персидского похода, что, чем выше забираешься в горы, тем больше находишь света и жары. Но и холода тоже.

---

[1] *по роману Е. Хамар-Дабанов, Проделки на Кавказе, 1842; автор называет ресторатора как Неотаки, имя не указывает. Считалось, что в образе майора изображен Лев Пушкин.*

В кисловодской котловине он обнаружил редкую особенность – днем холодный воздух прилетал с ветрами с ледников Кавказа и смягчал чрезмерную жару, поступающую из степи. В воздухе мешались запахи степного и горного разнотравья. Хотелось вдыхать всей грудью этот божественный дух!

Перед собой он видел прекрасный горный рельеф. В низинах текут быстрые речки и ручьи. Травянистые склоны пересекают горизонтальные тропки, вытоптанные копытами пасущегося скота. Тропки осторожно обходят каменистые плеши, обрывистые уступы и отдельные скалы причудливых форм и всевозможных оттенков цвета: светло-серые, синеватые, желтоватые и даже почти белые и красные.

В скальных уступах чернеют входы в неглубокие пещеры, издали похожие на ряды открытых тёмных глаз, неотступно наблюдающих, что внизу происходит.

Местные старожилы рассказывали, что в здешнем источнике тысячу лет назад и веками позднее кавказские богатыри *нарты* обретали силу, здоровье и сказочное долголетие. Они многократно омывали себя целебным нарзаном снаружи и внутри. Как мы! И призывали хранителей племени и всемогущего господа ниспослать благодать.

Развалины христианских храмов и племенных святилищ до сих пор можно видеть у подножия Шат-горы, по-другому, Эльбруса. Но молитвенные тексты, продлевающие жизнь, исчезли. По преданию, их спрятали священники, когда полчища Тамерлана убивали народ. После волшебство бессмертия забыли. Но вода древних богатырей – по-местному *нарт сана* -- по-прежнему вытекает из-под ледников великой горы и насыщается силой в недрах освящённых земель.

Когда государю доложили о тайне бессмертия, он послал в здешние края профессора Александра Петровича Нелюбина, ставшего позднее академиком медицины. Профессор измерил состав нарзана и других кавказских вод, и обнаружил, что они лучше европейских, но не нашёл тайника с текстами.

Некоторые люди уверены, что нашёл. Но не смог прочитать – на молитвах лежало заклятие. Поэтому в наше время сила нарзана лечит недуги и удлиняет жизнь, однако не творит

бессмертия.

Впрочем, все знают, что на Кавказе горцы доживают до преклонных лет. И все понимают, что жизненная сила в природе наибольшая весной, когда всё оживает: от цветущих растений до нерестящихся рыб. Неспроста на водах назначен курсовой сезон от мая до сентября.

Полковника интересовало, как здесь лечат. Первым делом, надобно было поточнее узнать, как всё устроено. Он подступил к колодцу, чтобы видеть конструкцию вблизи. Поспешил достать из кармана блокнот и карандаш.

В те далекие времена, как и теперь, все интересное старались запомнить и, когда в памяти сомневались, ей помогали зарисовками. Вечером он дорисует, что вспомнит, и в первом же письме экстрапочтой пошлёт своей жене Авдотье Гавриловне.

Быстрый карандаш перенес на бумагу естественную композицию, ненадолго задерживаясь на важных деталях, о которых он обязательно добавит пояснения в письме. В наше время — это естественное чувство историзма демонстрирует текст и виды, которые вы наблюдаете перед собой.

Колодезный сруб в форме удлинённого восьмигранника аршинов пять в длину, три в ширину и глубиной аршина в два покрывали доски вровень с землёй. В досках возле дальних граней сруба темнели два больших отверстия.

В колодце ледяная вода неровно бурлила, большие пузыри углекислого газа, взрываясь, создавали туман из брызг. Но запаха здесь не чувствовалось в отличие от пятигорских вод.

Полковник подумал: «Удивительное дело! Когда углекислого газа много, он наносит ущерб здоровью. Холодный нарзан целесообразно выбрасывает лишний газ, и оставляет ровно столько, сколько необходимо для лечения. Разве сие превращение яда в лекарство не есть чудо? Истинно, -- решил полковник -- здесь бьет настоящий источник Асклепия!»

По углам сруба стояли бочонки, соединенные деревянными решётками в виде ограждения. Всё было тщательно окрашено с выдумкой и старанием ярью[1] и дикой краской[2].

---

[1] *зелёная краска на окислах меди, называемая медянкой или ярью*

[2] *кажется, суриком*

Бочонки стояли не для красоты, а для пользы. Он заметил, что стакан в целительный нарзан опускали на шнуре. Это было неудобно, но исключало загрязнение источника руками.

Положено было отпивать половину стакана, чтобы предохраниться от песка, случайно попавшего из бурного источника. Остаток сливали в лоханку над бочонком, чтобы не создавать сырости у колодца. Слитый остаток стекал по подземным желобам в побочный деревянный бассейн, обложенный камнями и окружённый перильцами.

Полковник был доволен и убрал блокнот. Его стакан опускал в колодец, сноровисто ополаскивал, снова наполнял и подавал всего за одну полушку увечный георгиевский кавалер. Медаль святого Георгия была прикреплена на полотняную рубаху с вышивкой.

Вежливый кавалер спросил, брать ли нарзан подле пузырей. Полковник согласился -- он слышал, что это самая полезная часть нарзана.

На высказанное полковником соображение «Без сомнения, стаканы роняют в колодец!» кавалер поспешил ответить:

– Случается, ваше высбродие! Но у меня с красивыми стаканами такого не бывает! – давая понять, что цветной с вензелем стакан, оплетённый шёлковым шнуром, а не соломой, будет сбережён обязательно. – Ежели случится неприятность, помилуй господи, тогда я завсегда достану в целости и сохранности! Не извольте беспокоиться!

Полковник прогуливался, получал от кавалера полный стакан, отходил, останавливался, опирался на трость и выпивал полстакана с перерывами между глотками, затем возвращался к колодцу, выливал железистые остатки в лоханку на бочонке. Закончив один стакан, повторял все с начала.

Солнце сияло. Плотно убитый[1] хрящ с песком шуршал и скрипел под ногами. Газ от кисло-холодной шипучей воды приятно ударял в нос. От долгого питья мутило до отрыжки. Ощущения были непередаваемые.

После водопития он отдал кавалеру стакан. Услужливый кавалер, хромая, подошёл к столбику с крючками. Из почтения

[1] *утрамбованный*

повесил стакан повыше и показал на человека с журналом:

– Вам, высбродь, к купальному смотрителю.

Внимательный смотритель рассказал привычно, что получасовой сеанс купания сильно подешевел: прежде стоил семь рублей, а теперь всего один целковый! По правилам можно получать сеанс с пяти утра до одиннадцати дня, а также с трёх до семи вечера. И даже до девяти, когда пациентов много. Смотритель называл по-армейски «пополуночи» и «пополудни».

Полковник велел записать по две разводные ванны в день, всего две дюжины ванн, первая сегодня после обеда. Расписался, заплатил и получил билеты. Завершив знакомство с нарзанными делами, он пофланировал у речки, взмахивая тростью на манер, принятый на Невских берегах.

Многие предпочитали прогуливаться под открытым небом в тени небольшой аллеи из молодых деревьев. «Кого тут только нет!» – думал удивленный полковник. Исцеления и развлечений искали разнообразно одетые чиновники, простые купцы и помещики, многие с супругами и дочками. Несколько пожилых курсовых наслаждались прохладой на скамейках. Одни молчали, другие беседовали. Любители цветов ходили между клумбами. Дамы несли зонтики, или влекли деток или собачек. Попадались черноризцы. Много было военных: и офицеров, и солдат. Полковник раскланивался с курсовыми, знакомыми по Пятигорску и Железноводску. Иногда говорил дежурные фразы.

На колодец нарзана открывались две галерейки, защищающие от сильного солнца и непогоды. Каждая имела железную крышу, три деревянные стены и глиняный пол, посыпанный песком. Стены были покрашены жёлтой краской, а крыша ярью. У задней стены протянулась лавка для сидения.

Сидевший в галерейке старичок – отставной штаб-ротмистр, облаченный в бархатный сюртучок– окликнул его. Он был соседом по дому, в котором полковник жил в Пятигорске. Старичок поздоровался по-свойски и пригласил присесть. Справился о самочувствии и спросил о лечении:

– Будьте любезны, мой друг, сообщить, какую питьевую терапию предложил вам доктор? У кого вы наблюдаетесь?

Иван Петрович назвал врача, к которому он обратился по совету княгини Хасновой, -- ещё малоизвестного на Кавказе. Услышав ответ, старичок сказал пренебрежительно:

– Эти столичные доктора не знают секретов нарзанного лечения. Они лечат, как привыкли по заграницам и у нас в Пятигорске и Железноводске. Не ведают, что нарзан – минеральная вода особая и коварная! Приступать к ней надобно с осторожностью, а не так, как замученный жаждой в пустыне.

Не правда ли, вам назначено выпивать в день 10-12 стаканов в два приёма обязательно за час до еды? Правильно?

Полковник признался, что так. Старичок продолжил:

– А ты выпей до обеда 4, а к ужину 6. То есть, с утра пей меньше, чем к вечеру. И так делай недельку. Посмотри, не обременительно ли. Лишь после перейди на 12 в день.

Помни, что нарзан – сильная вода, и для пользы ты пьёшь полстакана мелкими глотками! А то некоторые чудаки превращают желание здоровья в исключительное водопийство и выпивают в день больше четверти ведра себе во вред!

Покончив с нарзаном, собеседник заговорил о жилье. Тема была злободневной, – с наймом жилья на водах всегда были сложности.

– Смею надеяться, любезный друг, что вы первым делом сняли на день-два номер у Найтаки? – спросил штаб-ротмистр.

– Нет, не вышло. Все было занято. Пришлось без выбора снять негодный домик далеко в слободке. Собираюсь оттуда съехать. Просил содействия у Найтаки.

– Тогда, считайте, с жильем у вас все наладится, –успокоил его штаб-ротмистр.

Но тема жилья не могла исчерпать себя так скоро. Оба легко согласились, что жилья на Кавказских водах не хватает давно, а новые жилые помещения строят плохо.

Куда это годится, сдают калмыцкие кибитки с остеклённым окошком. В дворянских домах за две комнаты берут по 10-12 рублей в день, когда корову можно купить за 15-20 рублей. Жить и лечиться в Кисловодске дороже, чем в Пятигорске.

Главнокомандующий барон Розен недоволен городской планировкой Пятигорска. Ничего толкового не предлагает, занимается одной Грузией. Не слишком активен на фронте

против горцев. Но ведь известно: кто малым недоволен, тот большего не достоин!

Говорят, что в Дагестане появился новый вождь, какой-то Шамиль. Жди набегов, особенно осенью, когда горцы уберут свои урожаи. Полковник согласился и сказал, что Ермолов не допустил бы такого безобразия, -- оба хорошо знали Алексея Петровича. Впрочем, собеседники тут же признали, что барон Розен не глуп и не забывает укреплять Лабинскую линию.

Закончив с жильем и Розеном, принялись обсуждать *cette mauvaise cuisine dans le style Néotaki* [1]. По мнению штабс-ротмистра, стряпня Найтаки была не такова, сколько за неё берут. *Ce grec est un vrai marchand*[2]. Наконец, критики сошлись на том, что еда терпима, ибо сказано: «Не хули руку, хлеб дающую».

Старичок, довольный собственной терпимостью, выразил восторг тем, что слуги в ресторации вышколены, как на парадный смотр, и носятся быстро, как метёлки. При всей строгости с персоналом, Пётр Найтаки ведёт дела с гостями по-домашнему доверительно. Знает каждого по имени и званию и даже блюда любезно отпускает в долг! Что об этом думает полковник?

Полковника утомили витиеватые рассуждения старичка. Он извинился и сказал, что увидел приятеля и должен срочно переговорить о важном деле, пока тот не ушёл на ванны.

Очень кстати перед ним стоял дородный шурин троюродного брата, приехавший на нарзан прежде полковника.

– Здравствуй, *ma cher*! – поспешил поцеловаться толстяк.

И тут же, не дожидаясь ответа, воскликнул:

– Время, Иван! Поговорим позже! Встретимся в половине пятого пополудни возле этого большого камня.

И, не услышав ответа, потрусил к купальне. Там, саженях в тридцати от колодца, стояли друг против друга два купальных сарая с жёлтыми деревянными стенами и зелёными железными крышами: левый сарай для кавалеров и правый для дам.

Лечение проводилось по правилам, список которых был

---

[1] *эту дурную кухню в стиле Неотаки (фр.)*

[2] *Этот грек – настоящий купец (фр.)*

вывешен на стене. Полковник уже его изучил. Больные лежали полчаса в деревянной ванне с подогретым нарзаном. Для контраста имелся холодный душ в особом отделении. Струи нарзана лились из ящика, поднятого над деревянным бассейном.

Отхожие места располагались в конце сараев. Тыльные стороны сараев и высокий забор окружали хозяйственный двор.

Через раскрытые ворота полковник видел, что вдоль двора в два ряда стояли на подставках шесть больших самоваров. Четыре дымили и раздражали обоняние.

Хозяйка, у которой он снял хибарку назвала ванное заведение «винокуренным заводом» и весело пояснила, что «завод» дымит давно, – ещё в турецкую войну лечил раненых.

Хозяин, старый дед, услышав жену, вынул изо рта постоянную трубку, сплюнул и уточнил: «Дымит сильнее винокуренного!» Засмеялся и спросил риторически: «Разве можно пускать дым на священную особу государя императора?»

Полковник слышал, что на Кавказе готовились к приезду грозного императора, -- всем была известна его придирчивость и педантичность. Было заметно, что всюду наведён военный порядок.

Постройки отремонтированы и заново покрашены, везде чистота, площадки и дорожки выровнены и присыпаны свежим хрящом. Даже бурьян скошен и убран на обочинах.

На дворе купального «завода» было, как на картинке, чисто, аккуратно и красиво выкрашено. Пожилой солдат брал уголь из ящика и поленья из поленницы у забора и, поднявшись на подставку, заполнял железную трубу самовара.

Труба с горящим топливом грела водяной объём огромного ушата сажень в высоту и три четверти в диаметре, сплоченного из сосновых досок, схваченного железными обручами и накрытого крышкой из двух половин. Спустившись с подставки, солдат потрогал рукой самоварный бок.

Другой солдат, заметно моложе, качал деревянный насос-помпу. Нарзан поднимался из хранилища, соединённого подземной деревянной трубой с источником. Как узнал полковник, в ванну нагретый и холодный нарзан поступал самотёком по деревянным трубам через медные краны.

Закончив обход площадки у колодца нарзана, он сел на лавку у входа в парк, достал из кармана блокнот и карандаш и принялся рисовать кроки на память. Начал он от въезда на севере нарзанной площадки. Наметил полосатую будку сторожа, въездной шлагбаум и мосток без перил через пересыхающий ручеёк, начинающийся в кустах перед усадьбой Реброва.

Когда проезжали бревенчатый мосток, извозчик сказал, что там, где сейчас ручей прежде бежала речка Ольховка, пока за одно лето солдаты ни выкопали русло подальше от колодца, чтобы речка при подъеме воды не заносила колодец сором.

На правой, восточной, стороне площадки возвышалась ресторация, а перед ней стоял столбик с крышей и с двухпудовым колоколом. Каждые полчаса, не пропуская ни минуты, особый сторож, приходил из гауптвахты и звонил, чтобы шли на ванны.

Военный наряд, назначенный в гауптвахту из крепости, следил за порядком у колодца, особливо чтобы ждущие лечения не ссорились в очереди и не били служителей.

Над слиянием речек на невысокой безлесной Казачьей горке стояла неказистая вышка и за оградой помещались крытые сеном балаганы из плетня. Там был сторожевой казачий пост, наблюдавший за окрестностями.

Соглядатаи в городе

До обеда ещё было время, и можно было разведать, что продают в балаганах за речкой Ольховой. Неприглядные холщовые палатки стояли там, где сходились дороги и тропинки. Такие же придорожные торговые балаганы полковник видел в Пятигорске.

– Куда ни глянешь, везде одно и то же: «подешевле покупаем и подороже продаём», – думал он, переходя речку по пешеходному мостику. – Учёный Адам Смит считал этот обычай природным свойством людей. Как ловко шагают в ногу медицина и коммерция! Посмотрим, чем торгуют, но не забудем о лечении, – решил он, подходя к прилавкам.

Разложен был обиход, знакомый по Пятигорску: вино, табак, чай, кофей, сахар головкой и кусковой, шоколад, миндаль, винные ягоды, чернослив, разные сладости. Рядом продавались нитки, иголки, ленты и прочая галантерея,

вязаные вещи, стаканы, курительные трубки, мохнатые шапки, украшения и, конечно, оружие.

Возле оружия, разложенного на коврике, сидел на земле, подогнув ноги, горец в *чохе*. По его окладистой рыжей бороде и гордому виду нетрудно было заключить, что это был «не тунгуз, ныне дикой, и не друг степей калмык», а мастеровитый обитатель Кавказа. Полковник догадался сказать приветствие *«Гамарджоба!*[1]». Горец заметно улыбнулся, погладил усы и ответил «*Дхэ мшвидобиса!*[2]»

Перед полковником лежало оружие из Дагестана и Грузии На первый взгляд малопривлекательное. Дома у него в коллекции были экземпляры лучше: персидские, грузинские, черкесские. Настоящей гурдой из дамасской стали он гордился, а соседи завидовали. Разочарованный полковник присел на корточки перед товаром, взял в руки охотничий нож и, стал рассматривать его. Не предполагая беседовать, небрежно спросил:

– Ты из Грузии?

– Да, господин. Мы из Тбилисо. У нас бумаг имэйца. Паказат, да? – сказал горец с грузинским акцентом, пропуская звуки и предпочитая твёрдые согласные.

– Я не о том! – сказал полковник, поднимаясь на ноги и продолжая исследовать нож с красивой рукоятью из рога косули, без гарды и с металлическим обухом.

Разглядел надпись Solingen на пяте клинка. Но не нашёл клейма мастера. Полковник не сомневался, – перед ним был поддельный золингеновский нож. Не выдавая себя, положил нож на место. И тут же удивился. Возле оружия лежала прекрасная самшитовая трость.

Он поднял её. Трость была увесистой, но не излишне тяжелой. На прочной, почти как железо, светлой древесине выделялась арабская надпись чернённым серебром. Удобный набалдашник завершала старинная серебряная пуговица с двуглавым орлом. Такая пуговица, он слышал, венчала трость Александра Пушкина, с которым он имел честь общаться в

---

[1] *Здравствуйте (груз.)*

[2] *День добрый (груз.)*

столице.

Он знал, что самшит растёт на западном Кавказе. Тем не менее, его появление в Кисловодске было совсем не удивительно, -- тут собрались щедрые покупатели!

Чтобы завязать разговор, полковник спросил:

-- Скажи, эта трость из Гагр?

Услышав интерес в словах покупателя, горец сказал в полповорота назад:

– *Стцориа! Момеци данарчеби джокеби.*[1]

Крепкий рыжеволосый парень, сидящий на пятках позади мастера, поднял горбоносое голубоглазое конопатое лицо, глянул равнодушно, вытащил из мешка и подал пачку тростей.

Не тунгус и не калмык перехватил с готовностью и решительно предложил:

– Выбирай, важный барин!

Полковник внимательно перебрал несколько прекрасных тростей, покрытых надписями и украшенных резными рукоятями в виде стилизованных звериных голов. Некоторые попробовал в руке, но потом вернулся к трости, увиденной вначале, и спросил, что на ней написано.

Увидев, что интерес покупателя растет, торговец перевел чернёную надпись, произнося с акцентом русские слова: «Равны перед богом и гуляка и постник, но лучше в добрых делах найти *тарикат*[2]». И сказал, что это написал бессмертный поэт Хафиз Ширази[3], великий знаток священного Корана.

Полковник подумал:

– Чудесно Кавказ соединяет поэтов и вдохновляет мастеров!

Внимательный торговец пояснил пространно, что *тарикат* означает путь служения и высшую ступень познания всемилостивейшего Аллаха, и закончил: «Пусть на этом пути нами руководит мудрость пророка Мухаммада! *Салл-ал-лаху аллейхи ва саллам!»* Полковник знал, что это переводится как: «Да благословит Всевышний и приветствует!»

– Странный оружейник, – решил полковник. – Владеет

---

[1] *Правильно! Дай мне остальные палочки. (груз.)*

[2] *один из религиозных базисов сопротивления на Восточном Кавказе*

[3] *устный чтец и знаток Корана из Шираза*

восточными языками и русским. Знает персидскую поэзию. Похоже, что он грузинский перс. Откуда только не приносит купцов, и кто только не торгует у нас!

Как принято на востоке, торговались неспешно. Полковник захотел купить вожделенную трость. Он понимал, что кавказский самшит не может быть дешёвым, – слишком сложным и опасным был его путь в Тифлис.

Раскошелившись, полковник забрал уникальную трость. Сказал по-арабски: «*Шукран!* [1]» и услышал в ответ: «*Шукран лак айя сайеди!*»[2]

Позднее он подумал, что у знатока Востока можно было разузнать ещё многое, но на прежнем месте его не нашел.

***

В середине дня торговля у знатока Востока совсем остановилась. Площадка у колодца нарзана опустела. Колокол ресторации перестал звонить каждые полчаса.

Торговец был удивлён. И всё посматривал в сторону колодца. Это заметил сосед, торгующий кофием, чаем и разными сладостями. Он попытался объяснить грузину, что происходит:

– Шота, не удивляйся! Начался обед в ресторации. Все курсовые обедают в одно время

– Вай, вай! – воскликнул Шота. – Какие суровые порядки! Друг Харлампий, скажи точно, – это из-за войны назначено общее время обеда?

Торговец сладостями продолжил свои объяснения:

– Слушай меня внимательно! Когда воюют солдаты, ими командуют офицеры. Врачи точно так управляют курсовыми. Они назначают лекарства и процедуры для сражения с болезнью. Настоящие врачи, подобно командирам в армии, лечат по правилам. Или, точнее сказать, по науке.

Внимательный Шота перебил:

-- Скажи, курсовые это кто?

Ответ был прост:

– Курсовыми их называют потому, что они «проходят курс».

---

[1] *Благодарю! (араб.)*

[2] *Благодарю вас, господин! (араб.)*

Это по-немецки. По-нашему значит «лечатся нарзаном».

– Так, – сказал Шота, изображая, что все понял, – курсовые здесь воюют по немецким правилам.

– Какой ты чудак! – попытался втолковать торговец сладостями. – Как они станут воевать? Они же больные!

Шота выразил заинтересованность:

– Я понял. Офицеры, которые ходили туда-сюда, пили нарзан, а после ушли в ресторацию обедать, -- это больные офицеры. Они курсовые и не воюют. Других офицеров не вижу. Кто же тогда воюет в крепости?

Торговец сладостями рассмеялся и пояснил:

– Ты забыл её гарнизон! Наш гарнизон – усиленная, как на войне, целая рота солдат.

Шота сделал вид, что удивился, взмахнул руками так, что рукава чохи разлетелись, и поспешил сказать:

– Подожди! Подожди! Рота солдат воюет без офицеров?

И получил ответ:

– Да пойми ты, у них офицеры не курсовые, а свои!

Шота облегчённо вздохнул:

– Вай, мэнэ! Я успокоился и не боюсь! Мне было непонятно, но я разобрался. В Кисловодске есть разные офицеры: курсовые – это чужие. Некурсовые – это свои. Только я не понимаю, как их различать?»

– А зачем их различать? – удивился Харлампий. – Мы не различаем. И даже регистратор, который их записывает на ванны, не различает!

Грузин задумался. Потом спросил в недоумении:

– Слушай, друг Харлампий, ты видел, что у меня купил палку старый офицер. Получается, что он курсовой и не воюет. Как это может быть – офицер из крепости и не воин?

Харлампий рассмеялся.

– С чего ты решил, что старик живёт в крепости? Он снимает домик не в крепости, а рядом в слободе. Крепость – это одно, а слобода – это совсем другое. Она не военная, а мирная. Курсовые располагаются не только в слободе, но также в других домах. Подожди! Вот, поживешь здесь, поторгуешь и тогда во всём разберешься.

Болтливый торговец упускал из вида, что любопытные

грузинские торговцы чужие, и не живут ни в каком доме, ни в крепости.

Когда пришло время обеда, местные торговцы сложили товар в тележки и уехали. Уезжая, доброжелательный Харлампий спросил:

– Надеюсь, Шота, увидимся на другой день?

– Благодарю! Увидимся с радостью, – ответил старший грузин, упаковывая с помощником товар во вьюки.

Когда Харлампий отъехал, грузин вздохнул с облегчением. Помахал вслед рукой и сказал помощнику:

– Надоел этот болтливый грек. Но очень полезный! Важные вещи услышал я от него. Похоже, не напрасно мы пробрались сюда, устроили ряженье и сменили имена. Продолжим.

Настоящее имя старшего торговца было Али, а не Шота. Помощника звали Аслан. Это были не грузины, а *адыгэхэр*[1].

Али подумал, что пора убираться из Кисловодска. Слишком здесь опасно. Утром он чуть не попал впросак, разговаривая с любопытным, хотя и щедрым, отставным полковником. А в обед едва смог запутать полезного грека.

Слава Милостивому, Аслан действовал, как ему было сказано. Нам повезло! Али чувствовал, что напряжение сил закончилось. Он узнал достаточно. Пришло время уезжать.

После обеда много русских выйдет из ресторации, и среди них, избави Милосердный, могут оказаться даже более любопытные, чем старый офицер. К вечеру народу станет ещё больше. Опасность быть разоблаченными возрастёт.

Аслан привел лошадей, пасшихся неподалеку. Довольный Али, не называя имени, похвалил: «*Агурис!*»[2] Они быстро засунули последний товар во вьюки и нагрузили лошадей.

Всадники переехали мосток на въезде и вскоре повернули вправо по тропе. Проехали вдоль балки, преодолели подъём и оказались в луговой впадине. Лошадям был необходим отдых.

Курсовой обед

Забудем на время о соглядатаях, и вернемся к полковнику. Он чувствовал, что нынче его слишком утомило знакомство с

---

[1] *адыг, адыгэхэр – воин, воины – самоназвание черкесов (адыг.)*

[2] *Молодчина, букв. кирпич (груз.)*

Кисловодском. Ни за что не сделать *promenade de plus cinq fois*[1], как назначил врач.

-- Уф, вот и ресторация! – заметил он с облегчением. Перед ним стоял царский дворец, о котором ему рассказывали.

Полковник медленно взошел по крутой лестнице из плитняка, опираясь на деревянные перила и вдыхая аромат кофея и табака, поднимающийся из грота под зданием.

На стене дворца висела дощечка с надписью «Дом благородного собрания» и наклеенным списком правил. Он уже видел такой в пятигорской ресторации. Снизу было прикреплено объявление, которое сообщало, что сегодня в восемь часов пополудни в собрании состоится бал по билетам за 2 рубля 50 копеек.

Закончив с правилами, он поднялся на балкон перед входом. Отворенная дверь, людской говор и аппетитный запах еды приглашали войти.

Место для него нашлось за столом у окна. Он сложил на соседний стул картуз и трость. Распрямил гудящие ноги. Не спеша, достал из кармана фуляровый платок, отер лоб и взглянул на настенные часы.

Часы в ресторациях не вешают, чтобы не смущать посетителей. Ясно, что здесь они висят из медицинских соображений. По совету доктора обедать следовало через четверть часа. Довольный, что угадал с временем, усталый полковник успокаивается.

Разглядывает светлый зал:

-- Ничего особенного, – он видал и не такое. На соседнем столе лежал листок «Русского инвалида». Сейчас не до чтения. Его внимание обратилось на прислугу. Показывая усердие на славянских лицах, g*arçons russes*[2] лавируют между столами, склоняются, принимая заказы. Из буфетной несут вино. Со двора приносят подносы с белыми тарелками и черными горшочками, над которыми поднимается ароматный пар от аппетитной еды.

Курсовое общество чинно ест и беседует на модном языке.

---

[1] *променад больше пяти раз (фр.)*

[2] *русские гарсоны (фр.)*